

ВАЛЕРИЙ ШАРАПОВ

ФАРТОВЫЙ БИЛЕТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Фартовый билет / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2026. — 320 с. — (Время острых ножей. Послевоенный детектив-амнистия).

ISBN 978-5-04-248538-1

1953 год. Неизвестные налетчики нападают на отделение милиции, убивают дежурных милиционеров и похищают личное дело некоего Сергея Волконского. Расследующие это преступление капитан милиции Иван Горелов и лейтенант Павел Маслов устанавливают, что Волконский — в недавнем прошлом отпетый рецидивист, в войну прошел штрафбат, после чего был завербован органами как агент в криминальной среде. После смерти Сталина и объявленной амнистии такой осведомитель становится опасен. Волконский слишком много знает о незаконных связях своих кураторов с уголовниками. Бывшего штрафника теперь ищут и бандиты, и нечистые на руку представители власти. Сыщики понимают, что осведомитель практически обречен, но все-таки решаются не допустить кровавой расправы...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-248538-1

© Шарапов В., 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Капли мокрого снега налипали на пыльное стекло. За окном — ни души, только косые полосы влажной снежной крупы, летящие в мутном конусе света от одинокого фонаря. Фонарь покачивался на столбе, и тени на облупившейся штукатурке одноэтажного кирпичного здания дергались. Провода над крыльцом гудели от ветра, и этот низкий звук сливался с шорохом снега.

В дежурной части под высоким потолком горела тусклая лампочка без абажура — желтый свет выхватывал из полумрака облезлый стол дежурного, деревянный барьер и стенд с агитационными листовками «Бдительность — наше оружие». Листовки пожелтели по краям, уголки загибались, и сквозь них проступали старые разводы сырости — здание отделения построили еще до революции, и фундамент его давно тянул влагу из земли. Кирпичная кладка местами крошилась, на полу вдоль плинтусов скапливалась мелкая красноватая пыль. Полы вымыли перед сменой — влажные половицы тускло поблескивали, отражая свет лампочки мутными

желтыми пятнами. На стене возле умывальника висел серый вафельный рушник с красной каймой.

Сержант Кошелев клевал носом. Голова в фуражке, сбитой на затылок, то и дело падала на грудь. Перед ним лежал раскрытый «Журнал учета происшествий» — толстая книга в коленкоровом переплете темно-зеленого цвета, с потертыми уголками и чернильными пятнами на обрезе. За весь вечер только одна запись: в двадцать три сорок доставили пьяного дебошира с Тишинки, да и того через час отпустили под подписку. Кошелев сам выводил эти строчки, старательно нажимая на перо. Чернила были густые, фиолетовые, и на сгибах страниц они уже начинали выцветать.

Кошелев тер покрасневшие глаза, зевал, прикрывая рот ладонью. На вид ему было лет двадцать пять. Щеки, еще не успевшие обрасти щетиной, покрывал юношеский румянец. Под гимнастеркой угадывались широкие крестьянские плечи. На безымянном пальце правой руки — ссадина, затянувшаяся бурой корочкой. Он получил ее вчера, когда выволакивал из подворотни пьяного мастерового, разбившего витрину пивной на Сухаревке. Мастеровой брыкался, цеплялся за водосточную трубу, и Кошелев поранил палец о ржавый кронштейн.

В углу, за барьером, младший лейтенант Егоров перебирал бумаги. Этот был постарше, за тридцать, с усталым лицом и глубокими залысинами. Форма сидела на нем мешковато — гимнастерка, выданная

по разнарядке еще в сорок седьмом, висела на плечах. Рукава закатаны до локтей, обнажая жилистые руки с выступающими венами. На левом запястье — старый шрам, белесый и тонкий.

Он листал подшивку вчерашних ориентировок — тонкие листы папиросной бумаги, скрепленные канцелярской скрепкой. Ориентировки поступали из МУРа два раза в неделю. Егоров делал пометки химическим карандашом — огрызком, который он то и дело смачивал слюной, чтобы грифель давал более жирную линию. Губы у него от этого посинели.

Папироса в углу рта давно потухла. Серый столбик пепла держался на кончике, готовый вот-вот упасть на бумаги. Егоров курил «Беломор» — папиросы подешевле, чем «Казбек», которые курил капитан Серебряков.

Тишина стояла такая, что слышно было, как тикают ходики на стене. Старые ходики с облупившимся циферблатом, гиря на цепочке застыла в нижней точке — их забыли завести вовремя, и теперь они отсчитывали последние минуты своей пружины. Стрелки замерли на половине второго, хотя на деле было уже около двух. За стеной, в кабинете начальника, скрипнул стул.

Капитан Серебряков допивал чай. Грузный мужчина с седыми висками и тяжелым лицом сидел за массивным столом, подперев щеку кулаком. Стол был старый, дубовый, с зеленым сукном, протертым до дыр там, где на него опирались локтями.

На сукне чернели кляксы. Завтра, вернее уже сегодня, ожидалась внезапная проверка из Управления — Серебрякова предупредили накануне, и он задержался, чтобы привести в порядок дела и отчеты. Дежурный сержант и помощник составляли ему компанию, разбирая текущие сводки. Перед капитаном стоял граненый стакан в мельхиоровом подстаканнике с выгравированной надписью «За доблестный труд». Чай давно остыл, на поверхности плавала радужная пленка.

Капитан морщился, но пил. Перед ним лежала сводка за сутки: три уличных кражи, один грабеж, драка в очереди за хлебом. А также выборка за месяц. Сводку и выборку составлял он сам, обобщая рапорты патрульных и заявления граждан. Почерк у Серебрякова был крупный, размашистый, с сильным нажимом — перо иногда прорывало бумагу.

Он потянулся к папиросам «Казбек» — пачка лежала на краю стола, возле пресс-папье в виде бронзового медведя. Но закуривать передумал. Взгляд скользнул по облупившейся краске на потолке, по стенам, оклеенным выцветшими обоями в коричневую полосу. Обои отставали по швам, и под ними угадывались старые газеты, наклеенные прямо на штукатурку. Газеты сорок пятого года, хрупкие, как осенние листья.

В углу кабинета стоял старый, еще дореволюционный, сейф — чугунная громадина с массивными петлями и бронзовой ручкой, отполированной ла-

донями многих поколений. Замок был кодовый, без ключа — такие ставили еще до революции. На его боку виднелось выцветшее клеймо: «Торговый домъ В.К. Феррейнъ и Ко. Москва. 1898 г.». В нем хранились личные дела подследственных, бланки строгой отчетности и табельное оружие — наган. Наган лежал в деревянной кобуре, смазанный ружейным маслом.

Сквозняк пробежал по полу, шевельнул листки на столе Кошелева. Один листок — бланк протокола о доставке пьяного, заполненный наполовину, — сдвинулся с места и спланировал на пол. Сержант вздрогнул, поднял голову, оглядел пространство вокруг мутным взглядом. Только Егоров в углу перевернул страницу ориентировки. Кошелев снова уронил голову на грудь.

За окном все так же падал мокрый снег.

Где-то далеко, за несколько кварталов, на Садовом кольце, прогрохотал припозднившийся трамвай. Звук был глухим, приглушенным снегом и расстоянием. Егоров на секунду поднял голову, прислушался, потом снова уткнулся в ориентировки.

В этот момент входная дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену и слетела с верхней петли, повиснув на нижней косо и жалобно скрипя. В проем ворвались клубы холодного апрельского воздуха, неся с собой снежную крупу, которая тут же начала таять на теплом полу. И вместе с воздухом в помещение шагнули двое.

Они двигались молча. Оба — в телогрейках поверх нательных рубаш, у одного из-под расстегнутого ворота видна синеватая наколка — купола. На ногах кирзовые сапоги с железными набойками. Лица открытые, злые, с тем особым блатным прищуром, какой бывает у людей, привыкших решать вопросы с помощью ножа. Слышался только топот сапог по деревянному полу и свист рассекаемого воздуха.

Кошелев успел поднять голову и открыть рот.

Первый нападавший в два шага оказался у стола. В руке блеснуло широкое лезвие — финка с наборной рукоятью из разноцветного оргстекла, из тех, что делают в лагерях. Удар. Еще удар. Третий. Кровь хлынула на раскрытый «Журнал учета происшествий», заливая коленкоровый переплет и аккуратные строчки записи. Чернила поплыли, буквы превратились в бесформенные фиолетовые кляксы. Кошелев завалился на бок, увлекая за собой стол. Грохот падающего стола смешался с булькающим хрипом, вырвавшимся из его пробитой груди.

Егоров вскочил. Стул с грохотом отлетел в угол, ударился о стену и развалился. Младший лейтенант метнулся к двери кабинета начальника. Второй нападавший перехватил его на полпути. Егоров попытался заслониться рукой, но лезвие легко вспороло рукав гимнастерки и вошло под левое ухо, вспарывая плоть до правого. Егоров захрипел, схватился за горло, из-под пальцев ударила темная, почти черная

при тусклом свете кровь. Ноги подкосились, и он рухнул на пол лицом вниз.

Дверь кабинета распахнулась. Капитан Серебряков выскочил в дежурную часть, на ходу пытаясь расстегнуть кобуру. Кобура была старой, кожаной, с тугой застежкой, которую вечно заедало. Пальцы скользили по жесткой коже. Он увидел кровь на полу, увидел тело Кошелева, распластанное на столе.

Первый нападавший уже был рядом. Удар ножом в живот — снизу вверх, под ребра. Серебряков охнул, согнулся, хватаясь за рукоять торчащего клинка. Нападавший с силой толкнул его в грудь, и капитан рухнул на колени, потом завалился на бок. Глаза его еще были открыты, губы шевелились, но изо рта уже толчками выходила кровь, заливая подбородок и ворот гимнастерки.

В дежурной части снова стало тихо. Где-то в стене гудела водопроводная труба. Капли крови с мерным звуком падали с края стола на пол.

Тот, кто убил Кошелева, вытер лезвие о полу его гимнастерки и сунул финку в карман плаща.

— Где у них дела? — хрипло спросил тот, кто был с наколкой. — Про Князя. Нам нужен его адрес.

Второй молча указал стволом финки в сторону кабинета начальника, затем наклонился над Егоровым и проверил пульс, прижимая два пальца к сонной артерии. Выпрямился и качнул головой первому. Тот обшарил карманы Серебрякова, вытащил связку ключей, вопросительно глянул на подельника.

— Кодовый, — недовольно ответил тот, кто без накладки, успев заглянуть в кабинет и ознакомиться с сейфом. — Работаем по плану.

Они вышли на улицу. Мокрый снег сразу налип на плечи, на шапки, на плащи. В свете покачивающегося фонаря их фигуры казались размытыми. Один остался у крыльца, вглядываясь в пустынную улицу. Второй скрылся за углом — там, в переулке, они оставили машину, трофейный «Опель-Капитан» темно-серого цвета, с помятым задним крылом. Номера были заляпаны грязью.

Через минуту второй вернулся, с натугой волоча два тяжелых баллона. Один — синий, кислородный, с облупившейся краской. Второй — красный, ацетиленовый, ржавый по швам. К баллонам был примотан изолентой кустарный резак — грубая сварка, манометры заляпаны краской. Блатным такой аппарат достался, видно, от подпольных жестянщиков с Сухаревки.

Они внесли баллоны в помещение, перешагивая через лужи крови. В кабинете начальника один подтащил баллоны к сейфу, поправил шланги, проверил вентили. Сначала открыл кислород — послышалось слабое шипение. Потом приоткрыл ацетилен. Второй встал у окна, прижавшись к стене, и следил за улицей сквозь мутное, заляпанное снегом стекло.

Раздалось шипение газа. Резкий хлопок — и из сопла резака вырвалось синевато-белое пламя. Бывший зэк направил его на массивные петли сейфа.

Шипение пламени, вгрызающегося в металл, наполнило все здание. Вспышки искр освещали кабинет дрожащим светом, отбрасывая на стены пляшущие тени. Раскаленные капли металла стекали по чугуну, падали на пол, прожигали половицы. Там, где они падали, дерево сначала чернело, потом начинало тлеть, и в воздух поднимались тонкие струйки дыма. Воздух в кабинете стал сухим и горячим.

Бывший зэк торопился. Руки дрожали, пламя плясало, разок резак чихнул и погас — чертыхаясь, он поджег снова. Сначала верхняя петля. Пламя резало металл, оставляя за собой светящуюся, оплавленную борозду. Через несколько минут петля лопнула с глухим звоном. Металл разошелся, обнажив оплавленные края. Он перевел резак на нижнюю.

Нижняя петля поддалась быстрее. Тяжелая дверца сейфа покачнулась и с глухим стуком рухнула на пол, подняв облачко серой пыли. Бывший зэк отвел резак в сторону, перекрыл газ. Пламя погасло.

Он склонился над сейфом.

Внутри лежали папки с делами — серые, картонные, с белыми наклейками на корешках. Бывший зэк принялся быстро перебирать их, читая надписи. Остальные папки он отбрасывал в сторону, и они разлетались по полу, рассыпая листки.

— Тут этот, Волконский... Давай. Где его адрес?

Он выдернул папку. Та была разбухшей, перетянутой шпагатом. Второпях он потянул слишком рез-

ко — шпагат лопнул, несколько листков выскользнули и веером разлетелись по полу, под ноги.

— А, хрен с ними, — буркнул он, поднимая папку. — Пустые бумажки. Ага, вот — «Связи: Семенова А.К., Б. Сухаревский пер., д. 7, кв.12».

Он сунул папку под мышку. Остальные дела полетели на пол.

Бывший зэк выпрямился, бросил взгляд на баллоны, на дымящиеся обрывки бумаг и направился к выходу.

Второй, стоявший у окна, последовал за ним.

У входа слышался шум, затем звук удара. Вторым вышел на крыльцо и увидел первого, склонившегося над телом возле крыльца.

— Добить бы, — процедил второй сквозь зубы, переводя дух.

— Время, — отрезал первый. — Косой ждать не любит. Мы и так с этим автогеном провозились на полчаса дольше. Узнает — шкуру спустит. Валим.

Тот, кто нес папку, выпрямился, на секунду задержался, обвел взглядом пустынную улицу. Оба двинулись прочь, к переулку. Хлопнула дверца, взревел мотор, и машина, разбрызгивая грязь, скрылась в серой влажной мгле.

Внутри отделения воцарилась тишина. Капли крови все так же падали с края стола на пол. Каждая капля разбивалась о деревянные половицы, оставляя крошечный темный кратер. В луже на полу отражался тусклый свет лампочки под потол-

ком — желтое пятно дрожало в такт падающим каплям.

Три тела лежали там, где их застала смерть. Кошелев — на залитом кровью столе, одна рука свесилась, пальцы почти касались пола. Егоров — ничком на полу, раскинув руки. Под ним расползалось темное пятно, впитываясь в щелястые половицы. Серебряков — на боку, с открытыми глазами и запекшейся кровью на губах. Взгляд его был устремлен на входную дверь, на полоску мокрого снега, наметенного сквозняком на порог.

В кабинете начальника тлели обрывки бумаг. Едкий дымок поднимался к потолку. Баллоны с резком так и остались стоять посреди комнаты. Кислородный баллон чуть заметно шипел — вентиль был закрыт не до конца.

За окном все падал и падал мокрый снег. Косые полосы крупы летели в свете одинокого фонаря, оседали на крыльце, на ступенях, на утоптанной дорожке у входа.

Входная дверь осталась приоткрытой. Вторая, что сорвалась с верхней петли, висела косо, и в щель задувал холодный апрельский ветер, шевеля листки разбросанных по полу бумаг. Один листок — бланк протокола, заполненный наполовину, — подхватило сквозняком, и он, покружившись, опустился в лужу крови у стола. Бумага набухла, буквы поплыли, превращаясь в бессмысленные фиолетовые разводы.

Кругом тишина. Только ветер, только снег, только капли крови, падающие на пол.

Через час случайный прохожий — рабочий с ночной смены соседней котельной, сокращавший путь через пустырь, — заметил приоткрытую дверь и человека в милицейской шинели, лежавшего на ступенях. Он бросился к телефону-автомату.

Глава 1

Телефонная трель вспорола душную темноту кабинета.

Дежурный по МУРу, немолодой капитан с изрезанным морщинами лицом и седой щетиной на впалых щеках, оторвал голову от скрещенных на столе рук. Перед глазами поплыли круги. Он заморгал, прогоняя остатки дремы, и взглянул на хронометр — массивный, с поцарапанным циферблатом и черными римскими цифрами. Стрелки показывали почти три ночи.

Трубка надрывалась на аппарате — тяжелом, эбонитовом, с витым шнуром, обмотанным синей изолентой в месте разрыва оплетки. Капитан снял ее, поднес к уху.

— Дежурный по МУРу капитан Зимин. Слушаю.

В трубке трещало и шипело. Связь была скверной — где-то на линии барахлил коммутатор, и голос на том конце линии доносился сквозь помехи, срывающийся и тонкий, будто говорил не взрослый мужчина, а пацан.

— Товарищ капитан... Это сержант Гришин, отделение... — Он назвал номер, но из-за треска Зи-